

Жилой комплекс «Чанцзели» затерялся среди городских кварталов — неприметный, ветхий островок прошлого, обнесённый лишь простеньким железным забором.

Четыре жилых корпуса, застывших в облике сорокалетней давности, сиротливо жалась друг к другу. Алая краска на фасадах давно выцвела и пошла пятнами, а там, где она облупилась, стены покрылись жирным налётом копоти. Маленькие квадратные окна, которые, казалось, не мыли десятилетиями, потемнели настолько, что проходим снаружи было не разглядеть происходящее в квартирах — никакой тюль не требовался. Кое-где по стёклам разбегались трещины, забитые многолетней пылью, но хозяева, похоже, и не думали их менять.

Асфальт на въезде напоминал поле боя: впадины, колдобины и коварные выступы. Глубокие трещины тянулись от покосившегося шлагбаума у ворот до самых подъездов, двери которых были пестро заклеены объявлениями.

О нормах застройки здесь давно забыли. Почти весь первый этаж превратился в череду лавочек: здесь торговали фруктами и овощами, жарили лепёшки, варили соевое молоко и готовили на пару баоцзы. С внезапным потеплением пробудилась и мошकारа. Над лотками с фруктами лениво кружили мухи, а земля под ногами вечно блестела от невысыхающих луж неизвестного происхождения. Стоило подойти ближе, как к аромату спелых плодов подмешивался тяжёлый, едва уловимый смрад гнили и помоев.

На фоне выросших в последние годы элитных новостроек и роскошных торговых центров Университета А, где сверкали вывески мировых брендов, этот район выглядел чужеродным телом. Его единственным достоинством оставались близость к учебным заведениям и удобная транспортная развязка.

Субботним утром торговые лавки на первых этажах открылись ни свет ни заря. Воздух наполнился густыми ароматами еды и горячим паром, который оседал на и без того тёмных стенах белёсой влагой.

Сюй Танхуэй стояла, бессильно опустив одну руку. Преодолевая боль, она другой рукой выживала из мусорных баков обрывки картона и пустые пластиковые бутылки, в которых ещё плескались остатки жидкости. Свою добычу она складывала в потрёпанную мешковину с надписью «Удобрения».

Мешок не наполнился и наполовину, когда спина предательски заныла. Годы брали своё, и тело уже не слушалось так, как в молодости. Женщина выпрямилась, с усилием выгнулась назад и несколько раз тяжело ударила кулаком по пояснице. Видимо, она случайно задела потянутые мышцы на левом плече — её лицо исказилось от боли. Она приподняла плечо, замерла на мгновение, пережидая вспышку, и заставила себя проглотить стон.

Глядя на жалкую кучку хлама в мешке, за которую вряд ли дадут больше пары грошей, она тяжело вздохнула. Женщина поправила короткие, тронутые сединой волосы и шмыгнула

носом. За последнее время она, конечно, не раз давала волю слезам, но давно усвоила: плач не решает проблем и не приносит помощи. Слабость и обида — это то, что оставляешь себе; окружающие не подарят тебе и сочувственного взгляда.

Впрочем, она ни о чём не жалела.

Вся её жизнь была подчинена одной цели, от которой она не собиралась отступаться. Пусть другие считают её занудой, сумасшедшей или ненормальной — ей было всё равно. Она проживала свою жизнь, и чужое мнение её не касалось. Даже если история десятилетней давности повторится снова, это её не сломит. Просто ещё один круг ада; она давно привыкла к боли, став почти нечувствительной к ней.

Но Ли Жун... С ним всё должно быть иначе. У него впереди светлое будущее, великие мечты и решимость докопаться до истины. Она не имела права стать для него обузой. Женщина была готова отдать последние крохи своих сил, чтобы сделать хоть что-то, пусть даже самое ничтожное, ради профессора Ли.

Она не хотела, чтобы Ли Жун искал её, не хотела, чтобы он винил себя. Это всё, чем она могла помочь. В её глазах снова защипало при мысли о том, что она может лишь молиться, чтобы в будущем, если юноша снова столкнётся с трудностями, нашёлся кто-то, кто, как и она, протянет ему руку помощи. Сюй Танхуэй глубоко вздохнула, пытаясь сдержать подступающие слёзы.

— Тётя Хуэй, пока рука не зажила, брось ты это дело. У меня дома накопились бутылки и картон, я сама вечером к твоей двери занесу.

Она быстро заморгала и потёрла покрасневший нос тыльной стороной руки. Когда она обернулась, на её лице уже играла мягкая улыбка:

— Сестрёнка, ты уже на работу?

Женщина придерживала велосипед, на багажнике которого устроилась непоседливая девчушка. Малышка развлекалась тем, что дёргала за пружины под сиденьем, раскачиваясь взад-вперед. Передняя корзина велосипеда была расширена и доверху набита всякой мелочью: чехлами для телефонов, наушниками, защитными плёнками и брелоками.

Торговка бросила на неё быстрый взгляд — она сразу поняла, что та только что плакала. Вспомнив безумные сцены прошлого месяца, женщина невольно вздохнула:

— Из-за этой руки тебе стоило потребовать компенсацию с того охранника. Ну где это видано — мало того что лоток перевернул, так еще и руки распустил.

Она кротко махнула рукой:

— Он не нарочно меня толкнул. Это я на ногах не устояла, за колесо зацепилась и упала. Сама виновата.

Женщине было искренне жаль подругу, но помочь было нечем. Она лишь снова вздохнула, нахмурившись:

— Вот послушай меня: брось ты эти дела десятилетней давности. Продай квартиру в этом престижном школьном округе, возьми деньги да возвращайся в деревню доживать спокойно. Уехала бы раньше — глядишь, и с мужем бы не развелись. Сейчас бы уже дети в школу ходили, и горя бы не знала.

Сюй Танхуэй опустила глаза. Её пальцы, испачканные грязной водой, дрогнули. Она застенчиво улыбнулась, уходя от неприятной темы:

— А твою квартиру легко продать?

Если бы она хотела уйти, то давно бы это сделала. Она оставалась здесь лишь потому, что не могла переступить через ту преграду, что стояла в её сердце.

Собеседница помрачнела и тяжело покачала головой:

— Было несколько желающих, да цену дают смешную, я не согласилась. Хоть наш район и захудалый, но я всё думаю — вдруг через пару лет под снос пойдёт? Место-то перспективное.

Маленькая девочка, слишком юная, чтобы понимать тяготы матери, отпустила сиденье и, весело запрокинув голову, одарила Сюй Танхуэй лучезарной улыбкой. Тётя Хуэй подняла левую руку — ту, что была повреждена, но оставалась чистой, — и неловко помахала малышке.

— А лекарства для дочки... ещё хватает? — тихо спросила она.

Женщина на мгновение замолчала, а затем горько усмехнулась:

— Почти на исходе. Если бы не это, я бы не так спешила с продажей дома.

— Может, через год-другой его внесут в список льготных, — попыталась утешить её Сюй Танхуэй. — Тогда станет полегче.

Торговка покачала головой:

— Я новости смотрела, да и с врачами говорила. Разработка Цзякэтина стоила баснословных денег, фармацевтам нужно как минимум десять лет, чтобы только расходы покрыть. Пока не

окупят — никаких льгот не будет. А сейчас... эх, еще семь лет осталось. И что делать? Ребёнку без них нельзя. Не знаю, дотянем ли мы вообще до того дня, когда цена упадёт.

Около десяти лет назад по стране прокатилась вспышка бактериальной прогерии. Эта болезнь поражала лишь детей до шести лет с ослабленным иммунитетом. Говорили, что некая бактерия вызывает генетический сбой, провоцируя постоянный гипотиреоз и необратимое стремительное старение организма.

Дочь этой женщины тоже оказалась среди заболевших. В один злополучный день мать заметила, что кожа девочки начала стремительно сохнуть и терять младенческую нежность. В больнице диагноз подтвердили в тот же день.

Единственным препаратом, способным сдерживать болезнь, был Цзякэтин — результат семилетних трудов и миллиардных инвестиций компании «Сухэ». Одна таблетка в неделю позволяла ребёнку жить и развиваться наравне со сверстниками. Но лекарство лишь поддерживало жизнь, не излечивая причину, а значит, принимать его нужно было пожизненно. Стоило прекратить приём, как процессы старения возобновлялись.

Из-за огромных затрат на разработку цена на Цзякэтин была заоблачной, и далеко не всем он был по карману. В последние годы новости то и дело пестрели сообщениями об оставленных больных детях. И часто дело было не в жестокости родителей: в детском доме у ребёнка был хоть какой-то шанс получить лекарство за госсчёт, тогда как дома родители могли лишь бессильно наблюдать за его угасанием.

Глаза девочки сияли, словно чёрные жемчужины, а пухлые губы алели здоровьем — когда она улыбалась, невозможно было не умилиться. Она набрала в рот воздуха, смешно раздув щёки, а затем, зажмурившись, с силой дунула на пролетавшую мимо мошку. Насекомое позорно бежало, и малышка залилась звонким смехом.

— Эх, если бы тот Люйиньской не оказался пустышкой... — с тоской произнесла мать. — Я ведь тогда и правда поверила, что это чудо-лекарство, а в итоге...

Услышав название препарата, Сюй Танхуэй вскинула голову:

— Ты о том лекарстве, над которым работал профессор Ли?

Женщина холодно усмехнулась:

— Это только ты его до сих пор профессором зовёшь. Я тогда слушала его интервью и была уверена: наконец-то создали средство, которое лечит саму болезнь. Он так уверенно говорил, обещал, что оно будет доступно каждому. Ты хоть понимаешь, как это жестоко — подарить надежду, а потом её отобрать?

Она разомкнула губы, желая вступиться за Ли Цинли, но, глядя на подругу, промолчала. Профессор Ли был её благодетелем, и она готова была верить ему и понимать его, но она не могла требовать того же от других.

Девочке наконец надоело ждать. Она прижалась щекой к спине матери и нетерпеливо заёрзала:

— Мама, поехали! Ну поехали!

Женщина взглянула на часы — пора было занимать место на рынке. В выходные на площади всегда много гуляющих, был шанс заработать побольше. Она устроилась на сиденье, поправила плотно связанные тюки с товаром и поставила ногу на педаль:

— Тётя Хуэй, я поехала. Кстати, на днях тут студент один ошивался, говорил, что хорошо тебя знает. Расспрашивал, где ты живёшь. Парень на вид приличный, не из лихих, вот я ему и подсказала дорогу.

Сюй Танхуэй растерялась:

— Какой еще студент?

Торговка замаялась, не зная, как лучше описать незнакомца, но дочка с багажника радостно вмешалась:

— Красивый такой братец! Волосы длинные, глаза — во-о какие! — Малышка двумя пальчиками показала на уровень своей шеи — в её понимании это уже считалось длинными волосами.

Лицо женщины изменилось.

Велосипед тронулся, ловко лавируя между колдобинами. Торговка, не оборачиваясь, махнула рукой на прощание:

— До вечера, тётя Хуэй!

Сюй Танхуэй так и осталась стоять под палящим солнцем с мешком в руках. Яркий свет слепил глаза, по вискам катился пот. Сквозь шум уличной торговли и крики зазывал она вдруг увидела знакомый силуэт. Это был Ли Жун.

Ли Жун впервые оказался в подобном месте. С бесстрастным лицом он шёл по грудам битого кирпича, переступая через желтовато-зелёные зловонные лужи и не обращая внимания на крики торговцев. Идя по разбитому асфальту, он раздвинул ветви неухоженной ивы и

направился напрямиком к Сюй Танхуэй.

Он замер перед ней — светлое одеяние плавно колыхалось на лёгком ветру, мягкие пряди волос были аккуратно заправлены за уши. В его ясных глазах светилось спокойствие, а на губах играла безмятежная улыбка.

— Тётя Хуэй.

У неё защемило в груди, в горле встал колючий ком.

— Глупый ты ребёнок! — вскричала она, вкладывая в слова всю свою тревогу и боль. — Зачем ты пришёл? Зачем ты меня искал?

Взгляд Ли Жуна скользнул вниз и остановился на её левой руке — покрасневшей и безжизненно висящей. В его глазах вспыхнул холодный огонь.

— Это они сделали?

Сюй Танхуэй тут же спрятала руку за спину, едва не плача от отчаяния:

— Не лезь в это, слышишь? Со мной всё в порядке, правда. Всё уже в прошлом. У них нет доказательств, они ничего не смогут мне сделать!

— Как это — не смогут? — Ли Жун нахмурился, в глубине его зрачков закипал праведный гнев.
— Они тебя оклеветали. А значит, это дело ещё не закончено.

Женщина замерла, потеряв дар речи. Тёплые слёзы скатились из уголков глаз, покрытых сеточкой мелких морщинок, прочертили дорожки по сухой, покрасневшей коже и упали на землю, усыпанную грязью и палой листвой. Больше всего на свете она ценила свою репутацию — иначе не продержалась бы на той площади десять лет. Теперь её доброе имя снова было растоптано, и в этот раз она была готова смириться с этим ради безопасности юноши.

Она была готова принять ложные обвинения, изгнание из университета и крах дела, которое было её единственной опорой все эти годы. Целый месяц она убеждала себя в этом, готовясь к худшему.

Но теперь Ли Жун пришёл, чтобы сказать: это не должно сойти им с рук. Просто потому, что её несправедливо обидели.

Он подошёл ближе и бережно смахнул слёзы с её лица. Юноша взял её загрубевшую, испачканную правую руку в свою и тихо произнёс:

— Я не заставлю тебя ждать ещё десять лет. Мы заставим их заплатить прямо сейчас.

<http://bllate.org/book/15351/1435598>